

4. Twardowski Jan. Autobiografia. Myśli nie tylko o sobie / Opracowała Aleksandra Iwanowska. – T. 2. Czas coraz prędszy 1959 – 2006. / Jan Twardowski – Kraków : Wydawnctwo WydawnctwoLiterackie, 2007. – 482 s.

5. Twardowski Jan. Znaki ufnosci / Jan Twardowski. – Kraków : Wydawnctwo Znak, 1997. – 193 s.

УДК 811.112.2'37

Казанкова Е.А.
(Минск, Беларусь)

АВТОРИТЕТ АВТОРА В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ ТРАДИЦИОННОГО НАРРАТИВА (на материале современного немецкого романа)

У статті розроблена класифікація невласне-прямої мови з точки зору лексичної взаємодії «голосу» автора та «голосу» персонажа в сучасних німецьких романах, написаних від 3-ї особи, а також встановлено переважання нарраторіально-персонального класу невласне-прямої мови з очевидним пануванням авторського «голосу» і чіткими лексико-семантичними межами мовної сфери персонажа.

Ключові слова: невласне-пряма мова, традиційний нарратив, семантичний клас, «точка зору».

В статье разработана классификация несобственно-прямой речи с точки зрения лексического взаимодействия «голоса» автора и «голоса» персонажа в современных немецких романах, написанных от 3-го лица, а также установлено преобладание нарраториально-персонального класса несобственно-прямой речи с очевидным господством авторского «голоса» и четкими лексико-семантическими границами речевой сферы персонажа.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, традиционный нарратив, семантический класс, «точка зрения».

In this paper the classification of free indirect discourse in terms of lexical interaction «voice» of the author and the «voice» of the character in modern German novels written from the third person is developed, and also the prevalence of narratorial-personal class free indirect discourse with the obvious dominance of author's «voice» and the clear lexical-semantic boundaries of the speech areas of the character is found.

Key words: free indirect discourse, the traditional narrative, semantic class, the «point of view».

Прием несобственно-прямой речи (далее – НПП), когда в одно целое соединяются авторское повествование и речь персонажа, привлекает внимание исследователей, начиная с XIX века. В разное время ученые предпринимали попытки классифицировать НПП. В качестве основных критериев для типологии НПП выступали структурный и семантиче-

ский. Так, разделение НПР по формально-структурной организации можно встретить в работах А.А. Андриевской (1967) [1], Л.А. Соколовой (1968) [2], Е.Я. Кусько (1980) [3], Н.Г. Бабаликашвили (1986) [4] и других филологов. В последнее время в работах ученых наблюдается стремление выявить структурные классы НПР с учетом семантических особенностей этой формы передачи «чужой речи» [5; 6; 7; 8].

Среди подходов провести классификацию НПР по семантическому критерию, т.е. в аспекте взаимодействия «голоса» автора и «голоса» персонажа, можно выделить несколько тенденций. Одна из них показывает желание исследователей свести все многообразие НПР к двум полярным типам: а) НПР, в которой преобладает «голос» автора, и б) НПР, в которой доминирует «точка зрения» персонажа [9; 1; 10].

Кроме бинарной классификации существует еще и трехчленная типология НПР, в которой авторы выделяют еще и промежуточный тип НПР. В предложенных классификациях с третьим типом НПР терминология варьируется, но суть одна: в промежуточном типе НПР «голоса» автора и персонажа звучат на равных [2: 25; 11: 17; 12: 130—134; 4: 15; 13: 68—69].

Помимо указанных двух тенденций объединить все многообразные формы НПР в два или три семантических типа, существуют также попытки увеличить их количество. Так, Е.Я. Кусько, изучая корреляции разноплановых перспектив в НПР литературы ГДР, выделяет пять видов НПР: 1) «латентную» НПР со скрытыми, имплицитными формами; 2) «аукториальную» НПР, в которой преобладает перспектива автора; 3) «аукториально-персональную» НПР, в которой при кажущемся равноправии «точек зрения» доминирует авторская позиция; 4) «персонально-аукториальную» НПР с преобладанием плана персонажа над планом автора; 5) «персональную» НПР, в которой «точка зрения» персонажа полностью вытесняет авторскую позицию [3].

Среди всех предложенных семантических типологий НПР более близкой нам оказывается именно эта классификация, поскольку она учитывает градуальный характер НПР. Однако, Е.Я. Кусько, впрочем, как и другие исследователи, не дает конкретных методологических оснований, на основе которых можно было бы отнести отдельное несобственно-прямое высказывание к определенному семантическому типу НПР. До сих пор степень проникновения «голоса» персонажа в авторский контекст внутри НПР остается недостаточно изученной методологической проблемой. Кроме того, поскольку в художественной прозе стандартные формы отображения «чужой» речи (прямая, косвенная и несобственно-прямая речь) постоянно эволюционируют и трансформируются, одним из неизученных вопросов является не только их семантическое наполнение, но и удельный вес в произведении. Необходимость устранить все указанные пробелы и определяет актуальность настоящего исследования. Таким образом, целью данной работы является разработка семантической классификации НПР с четкими «границами» каждого типа НПР, а также установление количественного преобладания того или иного класса НПР в современном немецком романе.

Материалом исследования стали пять немецких романов начала XXI века, написанных от 3-го лица (в терминологии Е.В. Падучевой – «традиционный навратив») [10: 337]:

- 1) А. Чаплет «Смерть в снегу» (2003) [14];
- 2) К. Дуве «Украденная принцесса» (2005) [15];
- 3) Ф. Гузен «Так много времени» (2007) [16];

4) Д. Кельман «Измерение мира» (2005) [17];

5) Х. Кноблих «Зимние яблоки» (2003) [18].

За исключением романов Д. Кельмана, К. Дуве и Х. Кноблих, для которых характерна историческая тематика, остальные избранные нами произведения повествуют о современной жизни. В повествовании от 3-го лица особенности отображения НПП героев находятся в определенном соответствии с особенностями повествовательной формы. В таком повествовании автор обладает внешним и внутренним «всеведением», т.е. он знает о том, что происходит в душе каждого героя. В силу авторского «всеведения» происходит объективное изложение событий.

В изученных нами произведениях методом сплошной выборки выявлены высказывания с несобственно-прямой речью. В таблице 1 представлены количественные данные об объеме сплошной выборки в каждом отдельном произведении.

Таблица 1

**Количественная представленность НПП
в современном немецком романе (объем в знаках, %)**

Автор	Объем НПП	Объем всего текста:
Чаплет	48 920 (10,2%)	481 141 (100%)
Дуве	15 244 (2,6%)	581 684 (100%)
Гузен	54 055 (9,4%)	572 612 (100%)
Кноблих	2 129 (0,7%)	296 346 (100%)
Кельман	17 143 (4,1%)	419 548 (100%)
Итого:	137 491 (3,4 а.л.)	2 351 331 (58,8 а.л.)

Как можно судить по табличным данным, в современном немецком романе с объективным характером повествования НПП симптоматично представлена: ее удельный вес колеблется от 0,7% до 10,2%. Причем, чем выше степень психологизма в повествовании, тем большая доля НПП для него характерна.

Прежде чем перейти к методологическим основаниям семантической классификации НПП, следует перечислить лексико-семантические маркеры «голоса» персонажа, удельный вес которых внутри несобственно-прямой реплики и будет определять семантический класс НПП. В рассмотренных романах в качестве лексико-семантических «следов», указывающих на «точку зрения» персонажа, выступают следующие лексические средства:

а) модальные слова (*gewiss, bestimmt, vielleicht, wirklich, sicherlich*, и др.);

б) указательные слова (*dieser, die, derartig, solcher* и др.);

в) усилительные слова (*zudem, außerdem, noch, überdies, so, gar, zu*);

г) частицы (*doch, ja, denn, eben, überhaupt, durchaus, sogar, halt, erst, mal*);

д) локативы (*hier oben, drüben, hier, herauf, hinauf, dort, dorthin, drunten*);

е) темпоральный дейксис (*damals, irgendwann, heute, morgen*);

ж) междометия (*ach, oh, ähm, mein Gott!, gottlob, na ja*);

з) утвердительные и отрицательные слова (*ja, nein*): *Sie konnte sich nicht entscheiden, welches Kleid denn nun das allerschönste war, das rosenfarbene oder das dunkelblaue aus*

Atlas oder das grau-schwarze mit der elfenbeinfarbenen Spitze. Nein, das grün-goldene dort. [15: 236];

и) постпозитивный субъектный коррелят (постпозитивная репрезентация имен, профессий тех лиц, чьи мысли передаются в НПР): *Oskar hat gewonnen, ihr Oskar.* [18: 182];

к) отдельные словечки, принадлежащие речи персонажей (*wunderfitzig, Eine-Million-Euro-Frage, Tugendterror, erklärungsbedürftig, karrieregeil*);

л) эмоционально-экспрессивная лексика, отражающая устную разговорную речь и сближающую НПР с прямой речью персонажа (*der Lackaffe, der Dummkopf, der Mistkerl, der Idiot, der Blödsinn, mitkriegen, verdammt*);

м) лейтмотивные словечки или фразы героев (*Ihre Königliche Hoheit, eine Frau wie Sie, am Ende sei eben doch Hans was Heiri und Heiri was Hans, ansehlicher Ehegemahl, die Scheißegal-Haltung, der sentimentale Hund*);

н) регионализмы, слова с уменьшительно-ласкательными аффиксами, (*Leberle, Brägle, Büble, Männi, Rucksäckle, Fäustchen, Söhnchen* и др.);

о) фразеологизмы и устойчивые выражения (*jemanden im Stich lassen, jemandem Flausen in den Kopf setzen, jemandem das Herz zersprengen, un verrichteter Dinge abreisen, sein blaues Wunder erleben, die Klappe halten*);

п) иноязычные слова (*Chocolat maison, so lovely, so brightly, so wonderful, Monsieur, Pate de foie* и др.).

В НПР рассмотренные лексико-семантические средства редко представлены единично: в любом литературном произведении они в большинстве случаев встречаются в различных комбинациях друг с другом. Для выявления степени проникновения «голоса» персонажа в несобственно-авторский контекст (полифонии, или интерференции двух речевых сфер) возникла необходимость установить для каждого отдельного случая НПР коэффициент насыщенности текста лексико-семантическими маркерами, которые определяют «речевую сферу» персонажа. Рассмотрим следующий пример: *Wobei die militärisch korrekte Haltung, die keinen Widerspruch duldende Gebärdensprache wie überhaupt das ganze Auftreten des Parkplatzwächters das Japanische an seinem Großvater erst richtig zum Vorschein brachte, um nichts zu sagen, offenbarte. Ja, es gab gar keinen Zweifel, daß sein Großvater in seinem tiefsten Innern eigentlich dieser Japaner war!* [16: 13]. Для вычисления коэффициента насыщенности данной реплики лексико-семантическими средствами необходимо разделить число подчеркнутых в тексте лексико-семантических элементов (9) на общее количество слов в несобственно-прямой реплике (49). Таким образом, степень насыщенности приведенной фразы лексико-семантическими элементами, указывающими на перспективу персонажа, составляет 0,18. Путем математического анализа для каждого из 369 примеров НПР во всех пяти произведениях удалось высчитать «свой» коэффициент, существенный для разработки градуальной семантической классификации НПР.

Предлагаемая классификация НПР представляет собой континуум, на одном полюсе которого находится НПР, в которой преимущественно слышен «голос» автора, на другом полюсе расположена НПР с преобладающей перспективой персонажа. Исходя из основополагающего признака НПР (двуголосия, или взаимодействия авторской речи и речи персонажа), в данном исследовании классификация НПР состоит из пяти семантических типов:

1) нарраториальная НПП, для которой характерно господство авторской позиции и стремление коэффициента к нулю (коэффициент колеблется в пределах от 0,0001 до 0,04), например: *Und **wirklich**: Als Humboldt noch in derselben Nacht, während Gauß im Nebenzimmer so laut schnarchte, daß man es in der ganzen Wohnung hörte, die belichtete Kupferplatte mit einer Lupe untersuchte, erkannte er darauf **gar** nichts. Und erst nach einer Weile schien ihm ein Gewirr gespenstischer Umrisse darin aufzutauchen, die verschwommene Zeichnung von etwas, das aussah wie eine Landschaft unter Wasser. Mitten darin eine Hand, drei Schuhe, eine Schulter, der Ärmelaufschlag einer Uniform und der untere Teil eines Ohres. Oder **doch** nicht?* [17: 17]. Коэффициент для данной реплики равен 0,03;

2) нарраториально-персональная НПП, в которой, несмотря на встречающиеся лексико-семантические «следы» речи персонажа, все же преобладает «голос» автора (пределы коэффициента от 0,1 до 0,4): *Die Nordlandfahrt hatte ihn **schon genug gekostet**. Er durfte **gar** nicht darüber nachdenken, was er währenddessen in Pargo und Rom **alles hätte verdienen können**. Bis er zu Hause ankam, würde es Juni sein, und den Sommer würde er brauchen, um sich von **diesem** Winter zu erholen. Und **wie** sein Kostüm aussah! Die Hosen waren **fast durchgewetzt** und die Punkte aus **Maulwurfsfell** auf seinem schönen Rock **ganz** grau und mottig.* [15: 39];

3) диффузная НПП со слитыми голосами рассказчика и героя, в которой нельзя однозначно определить, кому принадлежит «голос» говорящего (коэффициент равен нулю). В таких случаях можно говорить о полной интерференции двух речевых сфер, или о полном слиянии двух «голосов» внутри несобственно-прямого высказывания, например: *Wie hatte er das nicht sehen können?* [16: 32];

4) персонально-нарраториальная НПП, в которой, благодаря многочисленным лексико-семантическим элементам, «точка зрения» персонажа выступает на передний план (пределы коэффициента 0,5—0,8): *Aber er würde es ihnen **wieder und wieder erklären**, sooft sie wollten. Er würde auf alle Fragen antworten. Er würde **niemals** darum bitten, **endlich in Ruhe gelassen zu werden**. Er würde **nicht ungeduldig** werden, **nicht abweisend**, **nicht zornig**, **nicht laut**. Er würde **noch nicht einmal** darauf bestehen, **endlich** zu seiner Frau vorgelassen zu werden.* [14: 50];

5) персональная НПП, когда вся несобственно-прямая реплика состоит из слов речевой сферы персонажа: *Noch nicht!* [17: 65]. Персональной НПП свойственно стремление коэффициента к 1 (в пределах от 0,9 до 1).

Таблица 2

Продуктивность семантических классов НПП в рассмотренных романах

Класс НПП, автор	Чаплет	Дуве	Гузен	Кноблих	Кельман	Итого
Нарраториальная НПП	21 (II)	2 (II)	20 (II)	—	4 (II)	47
Нарраториально-персональная НПП	103 (I)	21 (I)	105 (I)	10 (I)	47 (I)	286
Диффузная НПП	16 (III)	1 (III/IV)	10 (III)	—	—	27
Персонально-нарраториальная НПП	2 (IV)	1 (III/IV)	1 (IV)	—	1 (III/IV)	5
Персональная НПП	—	—	—	—	1 (III/IV)	1
Общее кол-во случаев НПП	142	25	136	10	53	369

То, как соотносятся семантические классы НПР в рассмотренных текстах, представлено в таблице 2. Ранг (I–IV) показывает количественную представленность пяти семантических классов НПР в каждом произведении.

Таблица 2 показывает, что для всех проанализированных произведений закономерно доминирование нарраториально-персональной НПР над другими классами НПР. Среди всех представленных случаев нарраториально-персональной НПР наиболее продуктивный коэффициент 0,1. Это говорит о том, что для «традиционного нарратива» с объективным повествованием от 3-го лица характерен авторитет автора, несмотря на отчетливые лексико-семантические «следы» речевой сферы персонажа. Далее по частоте употребления следует нарраториальная НПР с единичными вкраплениями «голоса» персонажей в художественной ткани произведения. При этом в реалистической прозе А. Чаплет и Ф. Гузена ее удельный вес вдвое выше, чем в историческом романе Д. Кельмана и стилизованном под средневековые романе К. Дуве. В исследованных текстах диффузная НПР представлена симпатично, а в некоторых произведениях и вовсе отсутствует (это свидетельствует о низкой степени синкретизма речевых сфер автора и героя и о четкости границ этих речевых сфер внутри НПР современного немецкого нарратива). Одной из причин, определяющих невозможность установить, кто говорит (автор или персонаж) в отрезке с НПР, является передача в форме НПР мыслей нескольких разных персонажей, а не одного героя. Интересно также, что в рассмотренных романах (несмотря на семантические особенности третьеличной повествовательной формы: произвольную степень полноты и объективности в изложении событий, когда автор обладает «внешним» и «внутренним» всезнанием) количество персонально-нарраториальной НПР небольшое. Минимально представлен и другой полярный случай НПР – персональная НПР. Этот вид НПР преобладает в произведениях с «потоком сознания» или в свободном косвенном дискурсе (субъективном повествовании, формально построенном от 3-го лица, но полностью передающем мироощущение персонажа). В исследованных произведениях НПР с максимально проявленной линией героя встречается в редкие моменты наивысшего психологического напряжения. В целом, в произведениях с большей степенью психологизма представлена большая доля персонально-нарраториальной и персональной НПР, поскольку перевес плана персонажа в НПР соответствует углублению процесса психологизации художественной прозы.

Таким образом, в современном немецком нарративе с повествованием от 3-го лица частота употребления НПР колеблется в пределах от 0,7% до 10,2%. В произведениях с большей степенью психологизма удельный вес НПР выше. Количественный анализ разработанной градуальной классификации НПР показал продуктивность такого семантического класса НПР, в котором отчетливо слышен голос персонажа (в отличие от художественной прозы XIX—XX вв.). Одним из факторов, детерминирующих эту тенденцию, является семантика повествования «традиционного нарратива», когда автор берет повествовательную инициативу на себя и в НПР произвольно дает отрезки «чужой» речи. Семантические особенности данной повествовательной формы обуславливают и авторитет автора в нарраториально-персональной НПР (т.е. очевидное преобладание авторской линии над элементами из речевой сферы героя), поскольку во всех рассмотренных романах число самого продуктивного коэффициента насыщенности несобственно-прямой реплики лексико-семантическими «следами» речи героя равно 0,1. Доминирование

нарраториально-персонального класса НПР способствует уменьшению дистанции, с одной стороны, между автором и героем, с другой стороны – между читателем и героем. Кроме того, для речевых сфер автора и героя в НПР наряду с отчетливостью границ при авторитете автора характерна низкая степень синкретизма (т.е. полифония): за редкими исключениями «голоса» автора и героя не сливаются в один, а звучат каждый по-своему. Помимо этого, в рассмотренных произведениях «традиционного нарратива» также возникает незначительная психологизация отдельных повествовательных сцен посредством НПР с максимально выраженной линией героя (персональной и персонально-нарраториальной НПР).

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриевская А. А. Несобственно-прямая речь в художественной прозе Луи Арагона / А. А. Андриевская. – К. : Изд-во Киевского ун-та, 1967. – 172 с.
2. Соколова Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория / Л. А. Соколова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1968. – 280 с.
3. Кусько Е. Я. Проблемы языка современной художественной литературы. Несобственно-прямая речь в литературе ГДР / Е. Я. Кусько. – Львов : Вища школа, 1980. – 207 с.
4. Бабаликашвили Н. Г. Форма несобственно-прямой речи и ее эволюция: (на материале англ. прозы XVIII-XX в.): автореферат дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04. / Бабаликашвили Нана Гавриловна. – Тбилиси, 1986. – 23 с.
5. Шарапова Ю. В. Несобственно-прямая речь в функционально-коммуникативном и структурно-семантическом аспектах (на материале англ. яз.): автореферат дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04. / Шарапова Юлия Викторовна. – СПб., 2001. – 18 с.
6. Сысоева В. В. Нарративный потенциал несобственно-прямой речи в художественном тексте: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / Сысоева Валентина Владимировна. – Белгород, 2004. – 219 с.
7. Омелькина О. В. Несобственно-прямая речь как лингвопрагматическая категория: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Омелькина Оксана Владимировна. – Самара, 2007. – 150 с.
8. Петросян Г. О. Функции и формы несобственно-прямой речи в жанре исторического романа (на материале произведений А.Н. Толстого «Петр I» и Ю.Н. Тынянова «Пушкин»): автореферат дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / Петросян Гаяне Оганесовна. – Ставрополь, 2008. – 27 с.
9. Ковтунова И. И. «Несобственно-прямая речь» в языке русской литературы конца 18 – первой половины 19 в.: автореферат дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / Ковтунова Ирина Ильинична. – М., 1956. – 17 с.
10. Падучева, Е. В. Семантика нарратива / Е. В. Падучева // Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М.: Школа: «Языки рус. культуры», 1996. – С. 193–404.
11. Чумаков Г. М. Чужая речь как лингвистическая категория и проблемы грамматики, лексикологии, стилистики: автореферат дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / Чумаков Григорий Михайлович. – Днепропетровск, 1977. – 47 с.

12. Гончарова Е. А. Лингвистические особенности «авторской» и «персональной» несобственно-прямой речи / Е. А. Гончарова // Стилистика художественной речи. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И.Герцена, 1977. – С. 67—74.

13. Артюшков И. В. О соотносительности несобственно-прямой речи и внутренней речи в художественном тексте / И. В. Артюшков // Функционирование языковых и грамматических категорий в разных типах и стилях речи. – Уфа, 1997. – С. 65—77.

14. Chaplet A. Schneesterben / A. Chaplet. – München: Kunstmann, 2003. – 31.

15. Duve K. Die entführte Prinzessin / K. Duve. – Frankfurt-am-Main: Eichborn, 2005. – 397 S.

16. Goosen F. So viel Zeit / F. Goosen. – Frankfurt-am-Main: Eichhorn, 2007. – 348 S.

17. Kehlmann D. Die Vermessung der Welt / D. Kehlmann. – Reinberg : Rowohlt, 2005. – 303 S.

18. Knoblich H. Winteräpfel. Aus dem Leben der Feldbergmutter Fanny Mayer [2003] / H. Knoblich. – Tübingen: Silberburg-Verlag, 2010. – 205 S.

УДК 81'1 : 811.161.2

Орленко О.В.
(Львів, Україна)

МЕТАФОРИЧНЕ ПЕРЕОСМИСЛЕННЯ ЛОКАТИВНОГО ПРИЙМЕННИКА В

Стаття присвячена дослідженню вживання в українській мові первинного прийменника в (та його варіантів) із метою виявлення його концептуального змісту. Описані основні метафоричні зв'язки між репрезентативними відношеннями прийменника в.

Ключові слова: прийменник, просторові відношення, метафоричний зв'язок, концептуальний зміст.

Статья посвящена исследованию употребления в украинском языке первичного предлога в (и его вариантов) с целью выявления его концептуального содержания. Описаны основные метафорические связи между репрезентативными отношениями предлога в.

Ключевые слова: предлог, пространственные отношения, метафорическая связь, концептуальное содержание.

The article investigates the use of Ukrainian preposition в (and its variants) with the aim of revealing its conceptual content. The basic metaphorical connections between representative relations of the preposition в have been described.

Key words: preposition, spatial scene, metaphorical connections, conceptual content.

Проблема визначення статусу прийменника в українському мовознавстві актуальна вже понад півстоліття, але однозначності серед науковців немає. На прийменники

© Орленко О.В., 2012